

Автор посвящает этот роман
памяти Ильяса Эфендиева

Рисунок Марины Медведевой

...Сколько времени прошло в том видимом измерении?

Это не имело никакого значения.

ОН знал, что, держа над головой саблю, стараясь перекричать раздающуюся канонаду пушек, призывает своих солдат: «Вперед, к победе, вперед!..» — юный капитан Мишель, тот самый Мишель, которого ОН никогда не видел, но сразу узнал. Мишель де Лафонжен.

И еще ОН уже знал, что Мишель — Мишель де Лафонжен — Мишель Цицианов — офицер наполеоновской армии, предпринявшей нашествие на Россию. Идет сражение вблизи того села¹, рядом с Москвой-рекой, между французскими и русскими армиями, и юный французский офицер, маркиз Мишель де Лафонжен — Мишель Цицианов — вдохновляет своих бойцов на бой с российской армией.

И первого попавшего навстречу русского солдата сразил саблей он, Мишель де Лафонжен — Мишель Цицианов...

...И в ЕГО бесплотной и невесомой субстанции впервые возникло чувство, способное замутить эту бесплотность. Что это было? Боль, горечь, огорчение, гнев?

Но ЕГО бесплотная и невесомая субстанция изгнала, свела на нет это чувство...

* * *

...Нет, это уже не Москва-река, это река Салге, и, бежав вдоль берега реки с поднятой над головой саблей и с криком: «Вперед!.. Во славу императрицы!.. Уничтожим поганых турок!..», вел за собой солдат на Измаил не Мишель де Лафонжен, а ОН — молодой полковник Цицианов.

Россия сражалась с османами за Измаил. Вот они нанесли поражение Гасан-паше, сорвали в Измаиле с флагштока флаг Османской империи, а тот, кто водрузил на флажок уже знамя Российской империи, был ОН — молодой полковник Цицианов...

16

Капитан Федор Митрофанович Сухарев вошел в свою походную палатку, зло швырнул фуражку на койку... Грузин-туземец посмел оскорбить русского воина — ветерана русской армии с тридцатилетним послужным списком, истинного, кровью и плотью, хозяина русской земли, и русскому по рождению Сухареву не дано право ответить этому кавказскому выродку! Но виноват не выродок-кавказец, а те, кто назначил его главнокомандующим русской армией.

¹ Имеется в виду село Бородино.

Армия уже перешла на зимнюю форму одежды, и Федор Митрофанович, все так же не умея совладать со своим гневом, скинул с себя шинель и, не снимая грязных сапог, лег на походную койку. Железные пружины заскрипели под его тяжестью, и этот скрип словно был скрипом, стоном гнева, пронзившего всего его вплоть до мозга костей.

«Свинья!»

Этот безродный туземец обзывает его «свиньей», а его адъютант — фон... фон... Тьфу! Русскому человеку эту фамилию и не упомянуть!

Конечно, в глазах э т о г о главнокомандующего русский солдат мог быть только свиньей!

Если бы он, капитан Сухарев, не был свиньей, этот выродок-туземец никогда не стал бы главнокомандующим. И еще его чертов адъютант — этот «фон!..».

Сухарев уже тридцать лет воевал на различных фронтах, на самых передовых позициях с турками, шведами — с кем только не приходилось за эти годы сражаться во славу России! — а теперь бился с кавказскими туземцами. И за эти три десятка лет дослужился лишь до капитана, ведь он не был из тех «фонов», что правили в России, не числился ни бароном, ни маркизом, ни князем, чьи родословные упирались одним концом едва ли не в Чингисхана или в евреев, не был и белоручкой, дворянским баловнем, витавшим в облаках, — он сын простого русского кузнеца.

Сухарев гордился этим, гордился, что у него чистая русская кровь, ни с кем не смешана, не разбавлена. Ну и что с того? Кому сегодня нужна чистая русская кровь, кому необходим российский дух?!

Если ты не «фон», если твоя родословная не тянется в Европу, если ты хотя бы не крещеный татарин, а чистокровный русак, славянин, в таком случае кому ты нужен в этой стране? Никому! Россия не умеет быть матерью своих детей, у России отнято право ценить собственных детей. Лефевр, возвысившийся от рядового солдата до маршала, — сын мельника, отец Ожерона был слугой, поэтому Наполеон и способен сегодня заливать кровью всю Европу.

Сухарев не был тем, кто зовется солдафоном; лишенный в детстве и юности возможности получить образование, грамоте выучился сам, уже в армии, — с тех пор чтение газет, журналов, книг превратилось у него в такой же смысл жизни, как пуля и штык. Он сознавал, что Европа развита, оставила Россию позади в науке, культуре, вооружении, даже в мореплавании. Но Сухарев совершенно убежден, что Создатель одарил русский народ такими человеческими ценностями, которые Европе и не снились. Ждать наличия русского духа у человека, что не слышал бабушкиных сказок, не наслаждался частушками, не спал на русской печи, — не приходится.

Видя, как на Кавказе — в этом диком краю — гибнут от туземных пуль, туземных сабель храбрые русские юноши, в чьих венах русская кровь, Сухарев хотел с болью в сердце крикнуть: глядите, найдете ли вы среди тех, кто убит, хоть одного сынка барона или избалованного отпрыска «фонов»? Нет! Погибать должен простой русский, а отдавать приказы — все те же бароны, графы, «фоны», даже порой кое-кто из тех же туземцев!

Сухарев заерзал на койке, походная кровать вновь заскрипела, словно подтверждая скрипом мысли капитана.

Русские князья, графы — многие из них, как и Цицианов, не являются чистокровными русскими — где ваши наследники, почему их нет среди юношей, что отдают жизни в этом диком краю во славу матушки-России? В то время, когда молодые русские солдаты складывают головы здесь, ваши отпрыски танцуют в аристократических салонах Петербурга и Москвы с такими же, называющими себя русскими, но считающими зазорным говорить по-русски, барышнями. Знаете почему? Потому что до России вам никакого дела нет! Потому что приглашенные, специально выписанные из Европы гувернантки и гувернеры — немцы или французы, нет разницы, — воспитали в вас людей, чуждых России. Потому что вы не слышали колыбельных великой русской матери. Потому что знаете: вне зависимости от того, достойны вы или нет, вас ждут высокие чины и награды, но с этими чинами и наградами вы не принесете матери-России пользы даже на копейку, потому что вас это не волнует.

Екатерина II в одночасье произвела своего очередного фаворита, двадцатидвухлетнего прапорщика Платона Зубова, в генерал-фельдцейхмейстеры. Такие звания учреждают, что русскому человеку и не выговорить, назначила его командующим всей русской артиллерией. Платон стал флигель-адъютантом, потому что проявлял особые доблести в покоях императрицы: видимо, пушечные ядра в постели точно попадали в цель.

Она же назначила брата Платона — двадцатипятилетнего Валериана — командующим армией, отправленной на Кавказ, и этот мальчишка должен был бодаться с таким львом, кровопийцей, как Ага Мухаммед-шах Каджар...

Сухарев и в те времена служил в кавказской армии, и своим пронизательным крестьянским умом он сознавал, что Европа только тогда признает Россию, даже примирится с ней, если она превратится в страну-гегемон, а это станет возможным, как только она пробьется к теплым морям, к Индийскому океану. И капитан Сухарев знал, что в этом случае южно-кавказская кампания станет важным этапом, затем необходимо одо-

леть вечно находящийся в смуте и анархии Иран, позже — Стамбул, проливы.

По мысли Сухарева, взятие Стамбула — христианский долг русского народа перед Всевышним; необходимо вернуть православный крест в собор Святой Софии. И когда Сухарев думал об этом, волна протеста обжигала все его существо: что можно совершить с этими фаворитами, «Кноррингами», вползшими, словно глисты, в тело матери-России, стоящими на страже интересов, нет, не России, а личного процветания, с этими властолюбцами, карьеристами — немцами, татарами, тайными или явными евреями, даже — вот оно! — с расплывшимися кавказскими туземцами? Как произвести Михаилу Илларионовичу¹, да и просто русскому человеку имена всех этих Барклаев, Беннигсенов, Витценгеро²... Тьфу! Что можно совершить в окружении Витценгеро²? И сколько их — десяток, другой? Петр заставил бояр отстричь бороды, и чем это отозвалось? Не имеющие родины, не знающие, что такое мать-земля, эти люди, хлынув из Европы, расплзлись, словно клопы, по телу матушки-России, многие из них, ни на что не годные в собственных странах, направились в Россию, с ее открытой душой, и здесь сделали карьеру. Наследники обедневших европейских дворянских семей — графов, баронов, маркизов, — прикрываясь высокими титулами, стали уважаемыми людьми, даже предметом зависти, русские мужики водят их кареты, чистят им сапоги, колют дрова для их каминов, русские женщины стирают и гладят им нижнее белье, производят на свет от них незаконнорожденных детей. В Европе, пожалуй, не осталось безбожников, развратных авантюристов, все они хлынули в Россию.

И капитан Сухарев с болью в сердце думал, что вскоре России не станет места и в самой России. Петр слепо подражал Европе, разрушил все русские обычаи и традиции, а сам, женившись на прибалтийской шлюхе без роду и племени, чья национальность даже неведома, сделал ее императрицей России³. Может ли иноземец, к примеру немец, татарин или русский, стать королем Англии? Да ему сунут в жопу кол, потому что англичане, французы, немцы не такие дураки, не простаки, как мы, у них даже любовь к кресту ниже любви к самому себе.

Все это проносилось в мыслях простого русского солдата, чья душа была полна боли и горечи, и капитан

Сухарев в сердцах казнил себя за то, что порой клянет, ругает собственный народ, но эта ругань, по сути, выражение бесконечной любви к тому самому народу, бескорыстной любви, впитавшейся вместе с кровью, яростно пульсирующей в его венах.

Даже и сейчас в народе бытует версия, что, когда молодой Петр в составе Великого посольства в качестве простого русского отправился в Европу, его там подменили; тот, кто вернулся через два года, не был настоящим Петром. Конечно, капитан Сухарев не верил подобным измышлениям, хотя от Европы можно ожидать чего угодно, но дело в том, что Петр хотел настолько вытравить из русской земли истинно русский дух, поэтому в среде простых людей и рождались подобные легенды.

Павел терпеть не мог собственную мать, делал все наперекор тому, что делала она, поэтому, оказавшись на троне, первым делом отозвал войска с Кавказа.

Капитан Сухарев был совершенно убежден, что десять лет назад, когда Павел отозвал армию, Кавказ стал жертвой семейных дряг в императорском дворце. Сухарев и тогда, и сейчас страдал от мысли о том, как можно столь бездумно относиться к судьбам государства, чтоб в одночасье отказаться от такого благословенного края, богатой земли, какой является Южный Кавказ, и в подобной благоприятной ситуации

¹ Имеется в виду генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов.

² Имеются в виду М. Д. Барклай де Толли — русский военачальник немецко-голландского происхождения, Л. Л. Беннигсен и Ф. Ф. Винцингероде — генералы кавалерии немецкого происхождения.

³ Имеется в виду императрица Екатерина I.

из-за семейных интриг выпустить его из рук матери-России?

Не будь такого, если б в то время не была отозвана армия, не осталось бы и следа от дьявольских происков грузинских царей и князьков, от каналов — азербайджанских ханов, и этот край уже давно превратился бы в губернию матери-России, а жизнь стольких русских юношей была бы для России сохранена.

Сегодня России необходим новый Иван Грозный — русский кровью и душой. Капитан Сухарев решительно придерживался мысли, что, пока российский престол не займет подобный человек, то есть русский по происхождению, в чьих жилах нет ни капли замаранной крови, такие чужаки, как Цицианов, будут продолжать называть русского солдата «свиньей», русский воин-ветеран будет унижен, а фон Грен... Гренд... Грендфальды станут усмехаться из-под щеточки усов.

Емельян Пугачев, ясное дело, не был Петром Третьим, но являлся истинно православным, настоящим донским казаком, русским мужиком, проявил храбрость в войне с турками. Его ошибкой было то, что он собрал вокруг себя татар, башкир, калмыков, мордву, чувашей и еще бог знает какую шваль, Пугачева облепили те самые негодяи, кто мучил, обижал простой народ. Емельян Иванович должен был создать армию лишь из русских православных патриотов, пригласить профессиональных русских военных, офицеров, управляться только с разжиревшими дворянами, самодовольными чиновниками-взяточниками, с различными «фонами», расползшимися по телу русского народа. Емельян Пугачев не имел образования, да и где ему, простому донскому казаку, было получить образование? Он и имени своего начертать не мог. Но вот его отпрыск был бы чистым и образованным русским, и кровь в его венах подвигла бы служению России. А много ли осталось в крови Романовых от покойного Михаила Федоровича? Ничегошеньки.

Капитан Сухарев в сотый раз повторял про себя: Россия только тогда станет истинной Россией, когда ею будет править русский дух, на русском троне сидеть истинно русский, пусть и он будет таким же образованным, как Александр, чтобы мог разбираться в хитросплетениях, в дьявольских играх этой жизни, пусть будет суров, жесток, но будет русским не только по имени, но и чистотой крови.

Павел вроде бы хотел служить простому русскому народу, но называл именем своей любовницы¹ русские корабли, вписывал ее имя в гвардейские стяги. Те самые дворяне — продажные князья, графы, бароны, готовые целовать ноги Павлу, — сговорившись, прежде избив,

придушили его; в своих кулуарных беседах они называли его «русским Гамлетом», а тот же Наполеон — «русским Дон Кихотом», но Павел просто был человеком, совершенно далеким от русскости, чья национальность была неизвестна.

На российском троне должен восседать не Гамлет, не Дон Кихот, — в мечтах Сухарев представлял его кем-то вроде Бонапарта, но только российского происхождения.

Мать Павла, да, она была известна (ненависть и враждебность заставили капитана Сухарева запомнить ее длинное имя — София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская²), а кто отец? Претендентов на отцовство достаточно, этого, кроме Создателя, точно никто не знал, чаще называли Салтыкова³. Сухарев улыбнулся: добро, если так, как-никак Иван Петрович — русский, смелый человек, но какое теперь это имеет значение? И Екатерина, и ее сын уже ушли в иной мир, а страдает, мучается Россия, оскорбляют русского человека, и «свиньей» обзывают русского солдата.

Все знают, что авантюрист Платон — тот самый фаворит Екатерины — забавляется артиллерийской стрельбой уже в постели Елизаветы Алексеевны, супруги Александра.

Тут капитан Сухарев озлился на самого себя — ты это видел собственными глазами? держал свечку? откуда знаешь, что это так? Народ — он напридумает всякое... Хотя дыма без огня не бывает, ладно, тебе-то какое дело? Проходимец Платон наслаждается с немецкой девушкой, ты-то чего сердиться? Ведь вопрос не в этом...

Сухарев даже прошептал сам про себя эти последние слова:

— Ведь вопрос не в этом...

Да, вопрос не в этом, вопрос в том, что Россию-матушку возглавляют такие люди — носители подобной нравственности, вот он, результат европеизации Петра. Убили деда Александра — Петра III, задушили его отца — Павла, но это было трагедией не одной династии Романовых, а всей России. Во-первых, почему эти люди, у которых ни капли русской крови, чуждые русскому духу, должны править Россией? Во-вторых, не потому ли они и довели страну до такого состояния, чтоб проще устраивать заговоры, казнить государей, а потом официально утверждать результат? В какую эпоху мы живем? Снова возвращаемся во времена Смуты? Уже наступил девятнадцатый век! Неужели

² Настоящее имя Екатерины II, немки по происхождению.

³ И. П. Салтыков — русский военачальник, генерал-фельдмаршал.

¹ Фавориткой Павла была Анна Лопухина, в переводе с древнееврейского это имя означает «благодать».

мать-Россия — какая-то дикая восточная страна, где сын участвует в заговоре против отца¹, а затем занимает его престол? Капитану Сухареву вспомнился когда-то давно прочитанный «Гамлет»: неужели трагедия Гамлета, выйдя из Европы, вторгается в Россию?

А теперь Александр вознамерился освободить Европу от Бонапарта...

Несчастливая Россия!..

Европейские страны ведут борьбу друг с другом, но все они против России. Каждая из них, как государство, хочет укрепиться, стать мощнее, и при этом они постоянно пытаются ослабить Россию, отрезать ее от путей, ведущих в такие плодородные и богатые земли, как Индия, использовать Россию в своих интересах. Европа — хищная, как британский лев, пронырливая, как французская лиса, каждую минуту, подобно Иуде, готова к предательству, а русский медведь, находясь под пятой чужаков, не найдя добычи, довольствуется травой.

Александр должен освобождать не Европу — пусть они там изводят, изничтожают друг друга, — а Россию. Должен освободить Россию от семейственности, кумовства, чванливых дворян, чиновников-взяточников, от унижения мужиков помещиками, крестьян — от рабства, а матушку-Россию — от баронов, маркизов, графов-распутников. Но Александр может совершить это только в грезах, причем не в своих, а в наших.

Пусть и в России произойдет такая же, как во Франции, революция, не беда, пускай прольется кровь, лишь бы на арену в России тоже вышел наш, свой Бонапарт, только чтоб не был неграмотным и невежественным, как Емелька Пугачев, считал бы сбережение России не только долгом, но и выражением бесконечной любви к ней, чтоб Россия была для него матерью не на словах, чтоб рос он на русских колыбельных, чтоб русские частушки, сказки, песни — были для него роднее родных, чтоб, будучи вдалеке, тосковал по этим песням, а родным языком в его семье был русский.

Угодливый Цицианов переименовал Гянджу в Елизаветполь, но, по всему, стоило назвать этот город Луиза-мариявгустаполь².

Капитан Сухарев знал, что после гибели Джавад-хана, решившего потягаться с Россией, и взятия Гянджи император учредил медаль «За труд и доблесть при взятии Гянджи». Эти медали из настоящего серебра давно присланы главнокомандующему, чтобы тот вру-

чил их владельцам — русским солдатам, но до сих пор об этих наградах ни слуху ни духу, видимо, Цицианову приглянулось серебро...

Капитан Сухарев снова улыбнулся: кавказцы не только конокрады...

Капитан Сухарев был русским солдатом — старослужащим, а русский солдат всегда резал правду-матку. Да, верно, Цицианов способен нести груз главнокомандующего на этом диком Кавказе, в этом вероломном и двуличном Закавказье, он не пуглив, не труслив, едва прибыв на Кавказ, резко сменил тактику Кнорринга — уважительное, предупредительное отношение к туземным царькам Грузии, ханам Азербайджана, переговоры с ними как с равными, умасливание их подарками, — и перешел в наступление, обуздал Грузию, указал на место Джар-Белоканскому джамаату Азербайджана, прежде заливавшему кровью Грузию и соседние ханства, так что теперь они даже дышать не смеют, от страха их мошонка уперлась в живот, благодаря воинской силе, жесткому характеру стер с лица земли Гянджинское ханство, фактически присоединил к России Карабах, Шеки, Ширван, не сегодня-завтра захватит и Бакинское ханство — Сухарев нисколько в этом не сомневался. Да, все это так, но, если завтра все пойдет вспять, а объединенная Грузия объявит себя независимым царством, этот самый Цицианов — «русский генерал» — с радостью займет грузинский престол, не только не станет горевать о распавшейся России, а, если понадобится, войдя в союз с европейцами, повернет оружие против русских.

Говорят, в кругу близких к себе различных «фонов», людей, чье происхождение, родословная неизвестны, Цицианов иногда любит рассказывать анекдот: в одной деревне некая крестьянка после долгих родов произвела на свет сразу семилетнего мальчика, и первыми словами новорожденного было: «Дай мне водку!» Говорят, рассказывая этот анекдот, Цицианов так заходился в смехе, что у него почти прерывалось дыхание.

Вот тебе и русский генерал! Главнокомандующий русской армией!

Русского солдата можно отдать под военный трибунал, можно расстрелять, но оскорблять нельзя, настоящий русский генерал никогда не станет обижать русского солдата, необходимо наказать — накажет, причем сурово, но никогда не оскорбит, не унижит.

Если какой-то генерал столь хладнокровно оскорбляет русского офицера, унижает его, называя «свиной», то в этом генерале нет русского начала, от него можно ждать все что угодно.

Ты знаешь, что стоит за бесстрашием и принципиальностью Цицианова? С одной стороны, верно,

¹ Существует версия, что Александр I знал о готовящемся покушении на своего отца Павла I.

² Супруга Александра I Елизавета Алексеевна была по национальности немкой. Настоящее имя этой Гессен-Дармштадской принцессы — Луиза Мария Августа. Выйдя замуж, приняла православие.

он безжалостен к туземцам, с другой — тонко продуманными ходами поднимает свой авторитет в их глазах. Жена и дочь этого разбойника Джавад-хана оказались у нас в руках, но ради укрепления авторитета — нет, не государства, а собственного — князь освободил ханшу и ее дочь, отправил их в карете в Шеки, к брату. Джавад-хан поднял руку на Россию, проливал кровь русских солдат, русских офицеров, а по какому праву ты, Цицианов, генерал русской армии, главнокомандующий, хоронишь, как героя, этого негодяя во дворе их же мечети? Потому что ты душой и телом не русский; истинно русский генерал изрубил бы его, пролившего столько крови русских солдат, на куски, превратил бы в корм для птиц и зверей и только после этого успокоился, а дух храбрых русских солдат был бы отмщен.

Истинно русский генерал лично бы расстрелял, повесил перед штабом туземца, проникшего в лагерь, осмелившегося увести коня русского офицера, но никогда не унизил бы его достоинство, не оскорбил в глазах его семьи, земляков, не обратил в такого врага, что его многочисленные сыновья, братья, даже дочери стали бы ждать удобного случая, чтобы вонзить нам в грудь кинжал.

Еще во времена Кнорринга в Грузии стала распространяться чума. Едва прибыв, Цицианов поднял на ноги всех, нагнал из Петербурга, Москвы, Европы врачей, смог остановить эпидемию — хорошо, это-то понять можно, чума могла перекинуться и на войска. Но вот дороги в России в таком бедственном состоянии — хуже некуда: колеса повозок, доставляющих армии провиант, ломаются, не проехав и ста верст, — и здесь, в своем родительском краю, Цицианов стал ремонтировать их, проложил дорогу от Сурамской крепости до Кутаиса, учредил в Тифлисе гимназию, вроде делал все ради повышения авторитета России и императора, а на деле — это его кровь не дает ему покоя, сколько бы ни жил в России, сколько бы ни ел русский хлеб, ни бил себя в грудь, я, мол, русский генерал! — это не в счет. Ему чужд русский дух, потому что в его венах течет туземная кровь, и это закон природы.

Устав от этих мыслей, Сухарев махнул рукой, прошептал:

— А что ты можешь поделать?..

И когда он махнул рукой, пружины его походной койки вновь слегка заскрипели, и Сухарев подумал, что большая часть его жизни, жизни русского солдата, происходит на таком вот жестком походном ложе.

А тот конокрад был азербайджанцем, и еще незрелый, наивный поручик Глушков, впавший в экстаз от одной мысли, что главнокомандующий отдал приказ ему непосредственно, раздобыл где-то плешивого осла, за-

ставил раздеть этого азербайджанца ниже пояса, привязать стоймя на спину животного, пнув, отогнал осла от штаба, побегал лично докладывать главнокомандующему об исполнении приказа: подобная честь — общаться с высоким начальством — дается не каждому поручику.

Следовало возвести перед штабом виселицу и вздернуть на ней азербайджанца, но подвергать его подобному позору не к лицу русскому генералу.

Капитан Сухарев поднялся, сел на край койки, и железные пружины койки вновь жалостно запели.

* * *

...Внезапно показавшиеся Кавказские горы словно ветром проишлись по ЕГО памяти, породили какое-то буйство, и ЕГО бесплотная и невесомая субстанция даже будто вздрогнула от этого буйства...

Но все это произошло совершенно мгновенно и так же мгновенно исчезло, ушло.

Пролетели годы, но в горах Кавказа все еще шла война, и поседевший капитан Сухарев и юный солдат, стараясь защититься от града пуль, укрылись за большим осколком разбитой скалы, внезапно тот юный солдат выскочил из укрытия, выпрямившись во весь рост, стреляя, перезаряжая на ходу ружье, кричал: «Получайте! Получайте! Я перебью вас, кавказских дикарей!»

Едва слышным от свиста пуль и грохота разрывающихся ядер голосом капитан Сухарев заорал: «Ты что творишь? Ложись!.. Ты что, ополоумел? О себе не думаешь, черт с тобой! А что, у тебя матери нет? Сколько тебе лет?»

А юный солдат, прижимая к груди винтовку, продолжая стрелять, испуганно кричал: «Семнадцать! Перестреляю!.. Перестреляю всех этих дикарей!.. Всех перебью!..»

И в тот же миг, услышав жужжание пули, капитан Сухарев крикнул: «Наклонись, дурень!.. Наклонись!», затем, на мгновение опередив ядро, разорвавшееся перед скалой, рванулся вперед, броском свалил солдата на землю, накрыл его собой.

После того как улеглись пыль и дым от взрыва, солдат вытянул из-под тела Сухарева свою окровавленную руку, затем, отвалив в сторону лежащего на нем Сухарева, присел за скалой, испуганно, торопливо оцупал грудь, живот, поняв, что не ранен, все так же в страхе шепча: «Дядя!.. Дядя!..», перевернул капитана Сухарева на спину.

Осколок ядра разорвал Сухареву грудь, и капитан глядел застывшими глазами не на солдата, а на НЕГО, будто хотел о чем-то спросить ЕГО...

* * *

...В том видимом измерении был небольшой, аккуратный поселок, а в поселке, чуть в стороне от ворот, ведущих на улицу, сидел на лавочке его адъютант — полковник, дослужившийся до генерал-лейтенанта, — фон Грендфальд, со спадающими почти до плеч пордевшими седыми волосами; рядом — его сиделка.

Сиделка кормила его с ложки, ворча: «Не проливай-те на себя!.. Будьте аккуратны! Снова пролили все на грудь!», порой откладывала тарелку на скамейку, протирала платком повязанный на груди генерала фартук, спрашивала: «Вы хотите в туалет? Смотрите!.. Снова перепачкаете брюки!.. Ведь вы генерал!..»

Фон Грендфальд же глядел только на тарелку, не говоря ни слова, открывал рот навстречу ложке, произнося нечленораздельное «Угы-ы-ы... Угы-ы-ы», про-сил еды.

В том видимом измерении генерал-лейтенанта фон Грендфальда не интересовало ничего, кроме супа в тарелке.

Открылась калитка в воротах, и со двора вышла женщина — ОН сразу понял, что это Изольда, дочь фон Грендфальда. Глянув в сторону отца, спросила: «Ну, что он?»

— Снова просит еды, — ответила сиделка.

— Достаточно! — раздраженно сказала женщи-на. — Переест — снова испачкает брюки! — Она от-няла у сиделки тарелку, прикрикнула на фон Гренд-фальда: — Достаточно! Слышишь? Достаточно! — и с тарелкой в руке вернулась во двор.

Из широко раскрытого рта на фартук стекала слю-на, а фон Грендфальд, вытянув шею, глядел вслед жен-

щине, продолжая свое нечленораздельное «Угы-ы-ы... Угы-ы-ы...».

— Хватит есть!.. — говорила сиделка. — Не сердите фрау Изольду!.. Вы что, хотите снова наложить в брю-ки?! Ведь вы — генерал! Нехорошо!.. Теперь сидите и ды-шите воздухом. Видите, какая прекрасная погода!?

А фон Грендфальд, не обращая внимания на слова си-делки, вытянув шею, смотрел в сторону калитки, изда-вая все то же: «Угы-ы-ы-ы... Угы-ы-ы-ы...»

* * *

По мере того как в том видимом измерении сменя-ли друг друга эпизоды, воспоминания, ЕГО бесплотную и невесомую субстанцию стало охватывать какое-то непостижимое чувство, и самым удивительным, порази-тельным оказалось то, что ЕГО бесплотная и невесомая субстанция была совершенно равнодушна к тому непо-стижимому чувству, что никак не согласовывалось, не сочеталось с этой бесплотностью и невесомостью, ни-как не сопротивлялась этому чувству, не хотела отвер-гнуть его, отдалить от себя.

Более того, в НЕМ родилось такое ощущение, что эта бесплотность и невесомость уже не могли совла-дать с тем непостижимым чувством, и постепенно эта непостижимость явно переходила в поиск какого-то значения.

ОН пытался осознать смысл тех миссий, видений, со-бытий, воспоминаний, эпизодов, сменяющих друг друга в видимом измерении, но всякий раз это приводило ЕГО к потрясающей бессмыслице...

Продолжение следует.

